

СВОБОДНАЯ
МЫСЛЬ

2013

№ 3 (1639)

ЕЛЕНА ПОНОМАРЕВА

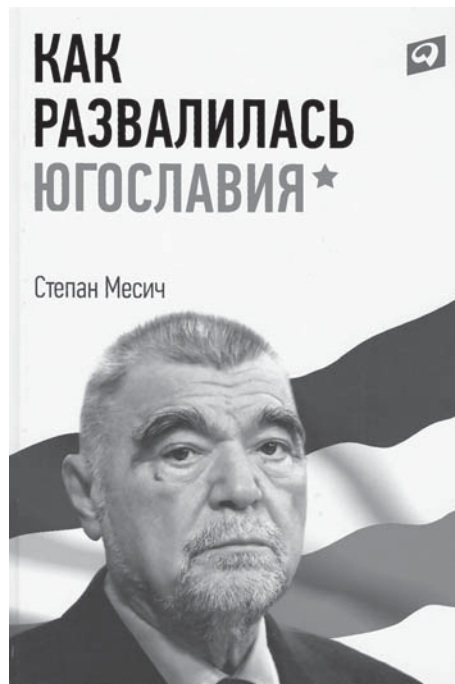
Как была разрушена Югославия

Прошлое не мертво. Оно даже не прошлое.

Уильям Фолкнер

Журнал «Свободная Мысль» с завидной регулярностью обращается к проблемам Балканского региона. Это пристальное внимание определено не только особой ролью Балкан в истории, но геополитическим, геостратегическим и геоэкономическим значением этого пространства в современной мировой политике. Балканский полуостров на протяжении веков был и остается ареной столкновения цивилизаций, борьбы великих держав. Недаром мудрый и жесткий политик Отто фон Бисмарк в свое время провидчески заметил, что «если в Европе начнется война, то из-за какой-нибудь глупости на Балканах». Действительно, войн на Балканах и из-за Балкан было немало; но потрясающе дикими и жестокими оказались войны не с внешними завоевателями, а конфликты 1990-х годов между народами, связанными не только историческими судьбами, но и дважды в XX веке входившими в общее государство.

С. Месич. Как разваливалась Югославия [пер. с хорватского]. М., «Альпина Паблицер», 2013. — 394 с.

С момента распада социалистической Югославии, СФРЮ, прошло уже более 20 лет, но до сих пор не стихают дискуссии о том, почему югославский «развод» оказался столь кровавым. До сих пор у беженцев из Хорватии, Боснии, Косово нет однозначного ответа на вопрос: кто виноват в том, что они лишились не просто крова и имущества, но и права на правду об истинных причинах трагедий 1990-х годов? До сих пор не осуждены все военные преступники межнациональных конфликтов, а десятки тысяч бывших югославов скитаются в поисках лучшей доли.

Провидческим для Балкан оказалось и замечание Уильяма Фолкнера: «Прошлое не мертво. Оно даже не прошлое». Действительно, прошлое югославских народов — это одновременно и настоящее. И не только потому, что многие проблемы новых балканских государств тесным образом связаны с событиями 1990-х годов. Но еще и потому, что Балканы — это уникальное геополитическое зеркало для многих многонацио-

ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна — профессор МГИМО, доктор политических наук.

Ключевые слова: СФРЮ, сербо-хорватский конфликт, сепаратизм, распад Югославии.

нальных государств, и прежде всего для России.

В связи с этим событие, произошедшее в Москве 28 марта 2013 года, для знающих настоящую «цену» Балканам, для переживающих трагедию югославских народов, как свою личную, не могло остаться незамеченным. В тот день в Торгово-промышленной палате РФ состоялась презентация книги Стипе Месича, последнего президента СФРЮ и президента Хорватии (2000—2010). Здесь сразу следует оговориться, что эта книга была написана буквально по горячим следам распада Югославии — в мае 1992 года. Поэтому специалистам она уже давно хорошо известна. Однако для широкого круга русскоязычных читателей книга стала доступной только благодаря одной из ведущих российских компаний в горнодобывающей и металлургической отраслях — ОАО «Мечел».

Спустя 20 лет после трагических и зачастую кровавых событий развала Югославии книга Месича, оставаясь документом того времени — автор сознательно не прибегал к так называемому пониманию задним числом, не утратила своей актуальности. Несомненно, она представляет собой интересный, хотя и не бесстрастный, исторический источник, написанный одним из ключевых участников распада Югославии.

В связи с этим хочу обратить внимание на принципиальность и честность самого автора в отличие от переводчиков. Свою книгу Месич назвал — «Како је срушена Jugoslavija». В дословном переводе на русский язык это звучит так: «Как была разрушена Югославия». Таким образом, в самом названии автор подчеркивает, что вина кровавого распада Югославии лежит на всех сторонах конфликта (см. С. 8). Пишет он об этом и в предисловии к русскому изданию. «В то время, когда существовала Югославия, она была фактором стабильности и в регионе, и в Европе, и в мире, и такая страна тогда была необходима. Мир изменился и теперь строится на иной основе, нежели та, что существовала последние полвека. Если бы меня сегодня спросили, неизбежен ли был

распад Югославии, мой ответ был бы: «Да. Это было неизбежно, но, конечно, прийти к нему надо было другим путем»» (С. 9). Тем не менее на титуле русского издания красуется название, несущее совсем иной смысл, — «Как развалилась Югославия».

Что же касается самого содержания книги, то «это хроника трагических событий последней фазы исчезновения государства, которое существовало уже лишь формально» (С. 15). В том, что к концу 1980-х годов Югославия существовала «лишь формально», с автором нельзя не согласиться.

Вся аргументация в пользу общего государства не могла скрыть его искусственного, сегментарного характера. Кроме общности исторических судеб в период раннего Средневековья славянские народы не обладали ни равным уровнем экономического развития, ни едиными политическими и правовыми системами, не имели общей культурной платформы. С годами потускнели лозунги «братства и единства» народов, но особенно остро тлевшие в югославском обществе проблемы проявились лишь после смерти создателя социалистической Югославии — Иосипа Броза Тито (4 мая 1980 года). В новых геополитических условиях имевшие место религиозная конфронтация и разные цивилизационные задачи делали практически невозможной выработку общих целей развития единого государства.

Исследуя природу «первой» Югославии (1918—1941), известный британский историк Эрик Хобсбаум писал: с «основанием Югославского королевства сразу же обнаружилось, что его жители вовсе не обладают общим “югославским” самосознанием, которое пионеры иллирийской идеи постулировали еще в начале XIX века. И что на них гораздо сильнее действуют иные лозунги, апеллирующие не к “югославам”, а к хорватам, сербам или словенцам и достаточно влиятельные для того, чтобы довести дело до бойни. В частности, массовое хорватское самосознание развилось лишь после возникновения Югославии, и направлено оно было как раз против нового королевства — точнее, против (реального или мнимого) гос-

подства в нем сербов»¹. Это в полной мере может быть отнесено и к социалистическому периоду — правда с некоторыми добавлениями.

«Вторая» Югославия (1945—1991) была продуктом Ялтинских соглашений. Как писал другой британский историк Тони Джадт, «Вторая мировая война была первой войной, в которой военный результат определял социальную систему, а, например, не религиозную принадлежность, как это было после Аугсбургского мира 1555 года с его принципом “*cujus regio, ejus religio*” “чья область, того и вера”, и не форму власти, как в случае с наполеоновскими войнами, революционным способом устанавливавшими новый политический строй»². Это прекрасно понимали политики, творившие политическую карту послевоенной Европы. Милован Джилас вспоминал, что в апреле 1944 года Сталин в разговоре с Тито отметил: «В этой войне не так, как в прошлой, а кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может»³.

Итак, возникновение и развитие социалистической Югославии непосредственным образом было связано с войной и с характером политического порядка, ею порожденного. Этот процесс прошел в своем развитии несколько неравнозначных как в хронополитическом, так и в сущностном плане, этапов. С 1945-го по 1953 год были предприняты попытки построить «подлинно социалистическую федерацию». В 1953—1974 годах страна переживала формирование «сегментированной государственности»⁴. Период с 1974-го и до 1991 года можно назвать агонией «самоуправленческой» системы, закончившейся полным крахом общего государства. Внешний фактор — распад мировой системы социализма и СССР —

ускорил процесс выхода республик из общего политического пространства.

Созданная изначально в соответствии с базовыми принципами советского федерализма, не учитывавшая естественные границы проживания народов (а возможно, сознательно сужавшая сербское пространство), социалистическая Югославия прожила красивую, но недолгую жизнь. Реализация принципа права наций на самоопределение привела не к возникновению жизнеспособной целостности, а к формированию агрессивной этнократии и попранию принципа историзма. Дело в том, что идеологическим и политическим фундаментом республик ФНРЮ/СФРЮ стала именно этническая идентификация.

По конституции 1946 года Югославия была разделена на шесть национальных республик: Словению, Хорватию, Сербию, Черногорию, Македонию, Боснию и Герцеговину. Причем в Сербии были выделены два автономных края — Косово и Метохия с Воеводиной, а в состав Хорватии и Боснии и Герцеговины были включены исконно сербские территории.

Основной закон 1974 года окончательно превратил Югославию в сегментированное государство — права республик, провозглашенных *государствами*, «основанными на суверенности народа» (см. Ст. 3) и краев были расширены до пределов, угрожающих целостности общего государства. Не имея возможности детально разбирать трансформацию политической системы Югославии, отмечу лишь принципиальные моменты.

Если по конституции 1963 года в компетенцию республик входило все, что не относилось к сфере деятельности федерации, то с 1974 года в компетенцию федерации входило лишь то, что ей было передано республиками. Как говорится, аппетит приходит во время еды. Наиболее развитые в экономическом плане республики — Словения и Хорватия — не были удовлетворены полномочиями, предоставленными им конституцией 1963 года. Прежде всего это выражалось в нежелании «кормить слабых» — Македонию, Боснию и Герцеговину, Черногорию, то

¹ Э. Хобсбаум. Нации и национализм после 1780 года. — http://aleksandr-kommari.narod.ru/hobsbaum_nacii.html

² Цит. по: Т. Джудт. Postwar. A History of Europe since 1945. L., 2007. P. 129.

³ М. Джилас. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 84.

⁴ См. Ph. G. Roeder. Where Nation-States Come From: Institutional Change in the Age of Nationalism. Princeton, «Princeton University Press», 2007. P. X.

есть участвовать в федеральных программах по выравниванию уровня экономического развития республик. Получив значительные свободы в 1963 году, Словения и Хорватия расценивали такую государственную политику как ущемление не только своих экономических, но и политических интересов⁵. В результате, спустя всего одиннадцать лет после вступления в силу конституции 1963 года они инициировали принятие нового документа.

Если на первом и втором этапах формирования социалистической государственности федеральные органы имели *надреспубликанский* характер, то по конституции 1974 года они были превращены в *межреспубликанские* органы. Даже по жизненно важным для страны вопросам решения принимались лишь после согласования с республиканскими и краевыми скупщинами. СФРЮ постепенно эволюционировала в сторону формальной федерации, как «соединения политических национальных объединений»⁶.

В то же время нельзя согласиться с мнением Месича о том, что в условиях политического кризиса федерации, когда «прежняя система просто износилась», «выход был только в использовании права на независимость, на основании конституции 1974 года» (С. 7—8). Дело в том, что в конституции СФРЮ не было предусмотрено право на независимость республик. Преамбула Основного закона гласила: «Народы Югославии, совместно с теми народностями, вместе с которыми они живут, *исходя из права каждого народа на самоопределение, включая и право на отделение*, ...сознавая, что дальнейшее упрочение их братства и единства соответствует их общим интересам, объединились в союзную республику свободных и равноправных народов и народностей и создали социалистическое федеративное содружество трудящихся — Социалистическую Федеративную Республику Югославию (курсив мой. — Е. П.)»⁷.

⁵ См. **З. Вукчевич**. Привреда Југославије у различитим друштвеним системима. Подгорица, 1994.

⁶ См. **J. Mirić**. Sistem i Kriza. Zagreb, 1984. S. 73.

⁷ Конституция СФРЮ 1974 года. — www.sovetika.ru/sfrj/konstvvod.htm.

Кроме того, в статье 5 было зафиксировано, что «границы СФРЮ не могут быть изменены без согласия всех республик и автономных краев. Границы между республиками могут быть изменены лишь на основании соглашения между ними, а если идет речь о границе автономного края, то и с его согласия». Сравните положение статьи 73 советской конституции 1977 года: «за *каждой союзной республикой* сохраняется право свободного выхода из СССР (курсив мой. — Е. П.)». Разница очевидна. В отличие от советского Основного закона, конституция СФРЮ не предоставляла возможности республикам свободного выхода из федерации, а требовала учета мнения *народов*, проживавших в конкретных республиках. Однако, прикрываясь несуществующим «правом на независимость», Словения и Хорватия — первыми среди югославских республик — провели референдумы об отделении и объявили о своем выходе из состава СФРЮ.

Реформирование социалистической Югославии в «союз суверенных государств» Словения и Хорватия видели исключительно в существовавших границах республик, которые, как мы помним, были проведены без учета принципа исторической справедливости. И если в Словении — наименее этнически проблемной республике СФРЮ — итоги проведенного 23 декабря 1990 г. плебисцита, на котором 88,2 процента граждан из 93,2 процента имеющих право голоса высказались за выход из Югославии⁸, не вызвал никаких вопросов, связанных с учетом интересов проживающих там народов, то в Хорватии ситуация с референдумом была не так однозначна, как ее пытается представить Месич.

Сербы, компактно проживавшие в Краине и составлявшие около трети населения республики, изначально рассматривали только один вариант государственного строительства. Это видение будущего и было вынесено на референдум в самопровозглашенной сербской автономной об-

⁸ См. «Slovenska kronika XX stoletja». Ljubljana, 2003. S. 446—447.

ласти 14 мая 1991 года: «Вы за присоединение САО Краины к Республике Сербии, а потому за то, чтобы остаться в Югославии с Сербией, Черногорией и другими, кто хочет сохранить Югославию?» Утвердительно на этот вопрос ответили 99,85 из 62 процентов зарегистрированных сербов⁹.

Хорваты провели свой референдум 19 мая 1991 года с двумя вопросами: (1) поддерживаете ли вы предложение Хорватии и Словении о том, что «Республика Хорватия как самостоятельное и суверенное государство, которое гарантирует культурную автономию и все гражданские права сербам и представителям других национальностей в Хорватии, может вступить в союз суверенных государств с другими республиками» и (2) поддерживаете ли вы предложение Сербии и Черногории о том, чтобы «Хорватия осталась в Югославии как едином союзном государстве»¹⁰.

Некорректная постановка вопросов, в которых Хорватия, с одной стороны, изначально называлась суверенным государством, а с другой — населению предлагалось определиться не по вопросу независимости, а по вопросу объединения с другими республиками в «союз суверенных государств», определила положительный ответ на первый вопрос большинства хорватов (91,7 процента¹¹), среди которых были и те, кто не хотел распада федерации. Сербы референдум бойкотировали.

Согласно же Месичу, «93,4 % (с высоким процентом сербов, участвующих в референдуме) проголосовали за суверенную Хорватию» (С. 63). Правда, экс-президент ни разу в своей книге не уточнил, каков же этот «высокий процент». Очевидно, что если бы дело обстояло так, как описывает Месич, то вряд ли к 1993 году только с территорий под контролем Загреба была бы изгнана 251 тысяча сербов. Другой крупный поток сербских беженцев (око-

ло 230 тысяч человек) был зафиксирован в 1995 году после проведения операций «Буря» и «Блеск»¹².

По итогам межнациональной войны Хорватия стала даже более мононациональной, чем Словения, никогда не имевшая такого большого количества компактно проживающих меньшинств. В настоящий момент хорваты составляют 89,6 процента населения республики (для сравнения: в 1981 году этот показатель был 75,1 процента¹³); сербы — 4,5 процента в сравнении с 11 процентами, другие меньшинства — 5,9 процента¹⁴.

Успех национальных проектов, зревавших в общей политической рамке Югославии, был обусловлен наличием развитых и довольно обособленных от центра республиканских структур, деперсонификацией федеральной власти. Стипе Месич очень подробно (я бы даже сказала, скрупулезно) пишет о том, как формировался и как работал Президиум СФРЮ в тот год, когда председательствовала Хорватия (см. С. 35—74, 117—152). Здесь необходимо пояснить, что после смерти Тито было принято решение избирать председателя Президиума СФРЮ (главу государства) каждый год из членов Президиума согласно предусмотренной регламентом очередности: Македония, Босния и Герцеговина, Словения, Сербия, Хорватия, Черногория, Воеводина, Косово. В мае 1991 года пост председателя Президиума должен был занять представитель Хорватии, которым после длительных пертурбаций и стал Месич — один из главных ускорителей развала Югославии.

Месич предельно откровенно пишет о своих задачах и событиях последних месяцев Югославии. «...Действуя в интересах хорватской исторической программы, я инициировал разъединение страны и одновременно создание союза суверенных государств на югославском пространстве... В Президиуме я пытался защищать существующую законность и легитимность... Но в первую очередь я отстаивал

⁹ См. С. Радуловић. Судбина Крајине. Београд, 1996. С. 30.

¹⁰ См. *ibid.* С. 29.

¹¹ См. С.А. Романенко. Югославия, Россия и «славянская идея». М., 2002. С. 427.

¹² См. «Српска Крајина». Београд, 2011. С. 304.

¹³ См. «Факты о Югославии». Белград, 1985. С. 123.

¹⁴ См. «The World Factbook». — www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/hr.html.

интересы Хорватии. Мой взгляд все время был обращен к той Хорватии, к которой мы стремились в мечтах и делах..., продолжая лучшие традиции хорватского национального движения» (С.15, 16).

Среди первоочередных задач, сформулированных Хорватским демократическим содружеством (ХДС) — националистической организацией, возглавлявшейся первым президентом Республики Хорватия Франьо Туджманом, были разработка нового конституционного статуса республики и реализация разъединения югославских республик. Их перспективу члены ХДС уже тогда видели в Евросоюзе. Именно для этой задачи, как пишет Месич, «Сабор (парламент Хорватии. — Е. П.) доверил мне новую функцию: способствовать разделению СФРЮ и одновременно лоббировать создание конфедерации югославских государств» (С.23). И после таких установок, которые, естественно, были известны в Белграде, Месич удивляется, почему это сербские и черногорские власти всячески затягивали его избрание на пост председателя общего государства!

На протяжении всей книги Месич пишет о противостоянии сербскому руководству в лице Милошевича — «между нами не было доверия, потому что наши интересы были противоположны» (С. 155). Однако решить свою национальную программу Хорватия никогда бы не смогла без поддержки извне. В этом смысле книга — очень ценный источник, дающий панораму интернационализации кризиса. Напомню, что в 1991 году Европа словами своих эмиссаров Жака Делора и Жака Сантера уверяла, что только «сохранение территориальной целостности Югославии представляет основу для ассоциации с ЕС», и выражала «обеспокоенность из-за намерений Хорватии и Словении в кратчайшие сроки провозгласить независимость» (С. 80). Американская сторона также выступала за «реформы и интегральную Югославию» и «ни в коем случае не поддерживала и не поощряла сепаратизм» (С. 84).

Изменения в оценке ситуации внешними игроками, прежде всего Америкой,

которая «оказывает решающее влияние на Европу» (С. 85), произошло в результате умелого втягивания армии в межнациональные конфликты в процессе разъединения страны, а также под шквалом обвинений со стороны словенских и хорватских политиков в адрес Сербии и лично Слободана Милошевича. Месич даже не постеснялся убеждать Джеймса Бейкера, на тот момент госсекретаря США, в том, что «в Америке забыли, что в освободительной антифашистской войне... главную роль в югославских взаимоотношениях сыграла как раз Хорватия, и именно Хорватия понесла наибольшие потери (*sic!*)» (С. 85). Правда, мимоходом он замечает: «да, были у нас квислинги, но они были и в Сербии, и в Черногории — они имели более многочисленные войска на службе оккупантов, чем Независимое государство Хорватия». Согласно Месичу, «в начале 1943 г., когда у Хорватии было пять партизанских дивизий (и столько же было у Павелича¹⁵), у Сербии и Черногории было всего около десяти тысяч партизан и около ста тысяч — в квислинговских формированиях» (С. 85—86). Правда, автор не указывает на источники, согласно которым он располагает такой информацией, и почему-то стыдливо умалчивает о геноциде сербов во время Второй мировой войны, который осуществляли в том числе и хорваты.

А тем не менее напомнить о зверствах хорватских фашистов нужно — прежде всего потому, что это даст понимание, почему югославская армия вынуждена была не только предпринять попытки по защите границ общего государства (см. С. 66—71, 176—196), но и встать на сторону сербов в Хорватии и Боснии в память о страшных событиях Второй мировой войны. Конечно, память о прошлом ни в коей мере не может оправдать допущенных армией ошибок и жертв, но понять происходившее поможет.

Дело в том, что точное число жертв геноцида сербов во время Второй мировой

¹⁵ Анте Павелич — лидер хорватских фашистов (установой), руководитель (поглавник) Независимого государства Хорватии (1941—1945).

войны неизвестно до сих пор, и даже сербские историки не едины в этом вопросе. По разным оценкам, именно в результате геноцида погибло от 197 до 800 тысяч человек¹⁶. Зато точно известно, что Хорватия была единственной европейской страной—союзницей Германии, создавшей свои собственные концентрационные лагеря. Среди самых крупных: Даница, Джаково, Керестинец, Крушчица, лагерь на острове Паг, Лоборград, Саймиште, Стара-Градишка (был создан специально для женщин и детей), Ядовно, Ястребарско (там содержались дети от одного месяца до 14 лет; в августе 1942 года 4-я бригада Народно-освободительной армии Югославии спасла из лагеря 700 детей)¹⁷.

Однако самым страшным был Ясеновац, созданный в августе 1941 года¹⁸. «По ужасам и зверствам, которые совершали в нем усташа, Ясеновац не имеет аналогов в истории человечества: заключенных убивали кувалдами, молотками, болванками, дубинами, затаптывали солдатскими башмаками. По масштабам преступлений это третий концентрационный лагерь в оккупированной Европе после Аушвица и Трешлинка»¹⁹. По оценкам Американского мемориального музея Холокоста, общее число жертв усташей составляет от 330 до 390 тысяч человек, среди которых от 45 до 52 тысяч сербов²⁰. Не щадили усташа и своих собратьев. Полагают, что от 5 до 12 тысяч хорватов — оппонентов режима Павелича погибли в одном только Ясеноваце²¹.

Что же касается утверждения, будто «именно Хорватия понесла наибольшие потери», приведу данные Вадима Эрлихмана — автора фундаментального спра-

вочника по потерям народонаселения в XX веке. Согласно современным данным, потери Югославии во Второй мировой войне составляют 1 миллион 27 тысяч человек. В том числе 20 тысяч военнослужащих, погибших во время германского вторжения в апреле 1941 года; 16 тысяч хорватских солдат, погибших в боях против Красной армии на Восточном фронте, в сражениях с партизанами Тито и четниками Михайловича; 22 тысячи югославских солдат умерли в немецком плену; 1,5 тысячи хорватских солдат — в советском. Партизан Тито, по немецким оценкам, погибло примерно 220 тысяч (сам Тито говорил о 300 тысячах погибших). Потери среди мирного населения определяются в 770 тысяч человек, из которых жертвами военных действий в 1941 году стали только 20 тысяч человек, а еще 70 тысяч умерли от голода и болезней. Число казненных и умерших в лагерях и тюрьмах оценивается в 650 тысяч человек. Фактически в это число входят и жертвы хорватских, четнических, боснийских и албанских коллаборационистских формирований, боровшихся с партизанами Тито²². Так что господин Месич либо некомпетентен в этом вопросе, либо сознательно вводит читателей в заблуждение. В связи с этим возникает закономерный вопрос: стоит ли ему доверять в других вещах?

Однако если исследователи и просто интересующиеся люди задаются подобными вопросами, то большая политика обходится без них. Большая политика оперирует таким понятием, как интересы, а не доверие. К концу 1991 года интересы ведущих игроков мировой политики изменились — дезинтеграция Советского Союза, как и дезинтеграция Югославии, оказались приоритетнее, чем сохранение целостности этих государств.

После полученной на Западе санкции на отделение, как пишет Месич, именно Ганс-Дитрих Геншер «сыграл историческую роль в деле признания нашего суверенитета и независимости» (С. 131) —

¹⁶ См.: V Žerjavić. Yugoslavia — Manipulations with the Number of Second World War Victims. Zagreb, 1993; М. П. Мане. Крајина у рату 1941—1945. Белград, 1995. С. 51.

¹⁷ См. «Death Camps». — www.vojska.net/eng/world-war-2/camps/death/

¹⁸ См. «Jasenovac Committee». — www.jasenovac-info.com

¹⁹ См. В. Попов. Хорватия в годы Второй мировой войны. — <http://panslavist.ru/2012/03/horvatiya-vo-vremya-vtoroy-mirovoy-voyny/>.

²⁰ См. «Holocaust Encyclopedia». — www.ushmm.org/wlc/en/article.php?ModuleId=10005449.

²¹ См. В. Попов. Хорватия в годы Второй мировой войны.

²² См. В. Эрлихман. Потери народонаселения в XX веке. М., 2004. С. 55—56.

8 октября 1991 года Хорватия отказалась признавать законность всех органов бывшей федерации и разорвала государственно-правовые связи с Белградом. Спустя два месяца — 5 декабря 1991 года Сабор Хорватии принял решение о прекращении деятельности представителя республики в качестве члена и председателя бывшей СФРЮ. В заключение своей речи перед парламентом Месич тогда сказал слова, вошедшие в историю: «Югославии больше нет. Спасибо, что оказали мне доверие бороться за интересы Хорватии на порученном мне участке. Моя задача выполнена» (С. 392). Как говорится, без комментариев.

История, как известно, не знает солагательного наклонения. Тем не менее очевидно, что если бы в трагические месяцы 1991 года на посту председателя Президиума оказался не представитель Хорватии, то ситуация развивалась бы по-другому. Югославию все равно не удалось бы сохранить, но раздел прошел бы иным путем. Как человек, облеченный политической властью федерального уровня, Месич принимал решения в инте-

ресах не страны, которую он возглавлял, а продиктованные его представлениями о будущем Хорватии, мечтами, как он сам пишет, о ее величии (см. С. 393). Кто-то его может за это осудить, кто-то — оправдать. Однако окончательный вердикт выносит лишь История. И поэтому, несмотря на субъективность и пристрастность книги, несмотря на множество вопросов к автору, полагаю, стоит поблагодарить и его, и издателей за то, что мы имеем теперь и на русском языке свидетельство непосредственного участника тех событий. Включение книги Стипе Месича в российский политический и научный дискурс даст возможность не только специалистам, но и всем интересующимся регионом сформировать свою оценку событий тех лет, сравнить позиции и роль сербской, словенской и хорватской сторон, а также мирового сообщества в процессе разрушения Югославии.

Таким образом, книга Стипе Месича как свидетельство участника судьбоносных для балканских народов событий поможет понять, как была разрушена Югославия. ◆